Трибуна молодого журналиста

№8(38) декабрь 2002

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

Редакционные заметки

ДЕКАБРЬ МУЗЫКАЛЬНЫЙ

В декабре всегда звучит особенно много музыки. Словно все спешат осуществить задуманное, подготовленное, желанное еще в уходящем году. Не опоздать. Не оставить на потом. Все залы полны, на афишах — разноцветье имен композиторов, исполнителей. Концерты Фестивали. Классные вечера. И море музыки…

А наши студенты — занимаются. Класс, лекция, буфет, читальный зал, семинар, курсовая, защита курсовой, буфет, зачет, хвосты, конференция, буфет, работа, еще конференция… И хорошо бы не заболеть — на улице люто холодно, без снега, витамины в организме кончаются, иммунитет на пределе… А вокруг море музыки, которую надо бы слушать. Слушать, чтобы слышать.

7 декабря в Большом зале — концерт Большого симфонического оркестра имени Чайковского. Во главе — его художественный руководитель и дирижер — Владимир Иванович Федосеев. Они дают Девятую симфонию Малера. Переполненный зал очень разношерстной публики — посетители абонементов, друзья и поклонники оркестра, который в этом году празднует что-то очень важное, страстные почитатели Малера, постоянные слушатели Большого зала… Замечательной, понимающей публики, настоящих ценителей, Любителей Музыки, публики, которая слушает это грандиозное, великое произведение на одном дыхании, не шелохнувшись, в гробовой тишине, погружаясь в глубины звучаний нечеловеческой силы… И все уходят переполненные потрясающей радостью, чувством восхищения и благодарности замечательным музыкантам. Может быть среди них все-таки есть и наши студенты?…

А где-то неподалеку, рядом с окружающими нас декабрьскими музыкальными вечерами уже развернулись настоящие «Декабрьские вечера» — музыка Италии, панорамы Венеции… Море живописи, которую хочется видеть, море музыки, которую хочется слушать. Слушать, чтобы слышать.

Профессор Т.А.Курышева, Художественный руководитель «Трибуны»

«ЕСЛИ ДУША РОДИЛАСЬ КРЫЛАТОЙ»

110 лет со дня рождения Марины Цветаевой

Век Цветаевой — век суровый. Она родилась 26 сентября 1892 года («День был субботний — Иоанн Богослов», кстати, апостол и пророк, чего Цветаева никогда не забывает, эта печать пророческая, раз ожегши ее, навсегда преобразила женское лицо, ставшее лицом поэта). Ее родители — Иван Владимирович Цветаев, основатель музея изящных искусств (очерк «Открытие музея»); мать — Мария Александровна Мейн, пианистка, ученица Антона Рубинштейна, оставившая концертную карьеру ради мужа и дочерей. В основном оказавшаяся на попечении матери (отец был вечно занят), Цветаева уже в детстве говорила по-немецки и французски, чем, вероятно, объясняется ее любовь к немецкой литературе (Гёте и Гёльдерлин), а также к сентиментальной французской (Ростан, из которого она даже брала эпиграфы к первому своему сборнику «Вечерний альбом», 1910 года). Ей обещали карьеру пианистки, но, вопреки мечтам матери, Цветаева бросила занятия лет в тринадцать. Потом она напишет: «Мать буквально залила нас музыкой. <...> После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом». И она стала поэтом: первый ее сборник был отмечен Гумилевым и Волошиным, с последним она подружилась и проводила у него в Коктебеле многие дни, у Волошина же собиралось поэтическое общество, в котором Марина стала вскоре желанной гостьей. Волошину она обязана знакомством со своим будущим мужем, Сергеем Эфроном, знакомством, обернувшимся для нее и вдохновенным лирическим чувством, и ужасными страданиями в уже скором времени. В 1914 году Сергей уезжает на германский фронт. Вплоть до 1922 года, когда Цветаевой удалось выехать из страны, они виделись лишь урывками. Она осталась одна в полуразгромленной, холодной и голодной Москве с двумя маленькими детьми, выступала, не снимая шинели, на поэтических вечерах, а в другое время мыла полы и разгружала дрова, чтобы заработать на хлеб. Стояла в бесконечных очередях с карточками, но еды было все равно так мало, что приходилось привязывать младшую дочь Ирину к стулу на время Марининого и Алиного отсутствия: голодный ребенок мог съесть продукты, рассчитываемые на несколько дней. Решив, что она сама не сможет прокормить двоих, Цветаева, по совету какой-то сердобольной знакомой отдала Ирину на время в сад-приют, на государственный «паек». Девочка не выжила там и двух недель.

Если взглянуть на ее стихи этого времени, то кроме тех, что посвящены умершей Ирине («Две руки, легко опущенные/ На младенческую голову» и «Маленький домашний дух/ Мой домашний гений...»), мы и намека не найдем на адские условия, с которыми ей надо было справляться. Странным образом контекст жизни находился в противоречии с романтичнейшим поэтическим высказыванием. Цветаева, вероятно, была последним настоящим романтиком Серебряного века. Приметы романтизма — вот они: вечное поэтическое Я, романтический эгоцентризм (и максимализм):

Я — страница твоему перу.
Все приму. Я — белая страница
Я — хранитель твоему добру.
Возвращу, и возвращу сторицей.

Лирика, лирика, лирика... Причем именно романтическая лирика, певучая и возвышенная, местами очень женская, женственная (цикл «Две песни» 1920 года, вторая из которых с известным «припевом»: «Мой милый, что тебе я сделала?»

Если иная образность, то все равно романтическая, скажем, мотив театра, маски, фантасмагорического карнавала в цикле «Комедьянт». И сам слог цветаевской поэзии этого времени — ровный, напевный, текучий; стих одухотворенный и возвышенный.

«Я помню ночь на склоне ноября.
Туман и дождь. При свете фонаря —
Ваш нежный лик, таинственный
и странный,
По-диккенсовски — тусклый
и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря,
Ваш нежный лик при свете фонаря.

Совсем по-другому будет она писать в эмиграции. Словно бы многотрудное пребывание на родине еще могло выливаться в такие стихи, а чужая страна что-то надломила в ней самой, и в ее языке. Считается, что поворотным в стиле стало стихотворение «Маяковскому», в котором она пытается говорить, ему подражая. Но кажется, что это не просто ответ «в тон», тем более, что Цветаева принципом жизни (а значит, поэзии) ставит верность себе. Так или иначе, другая тональность зазвучала уже в 21-м году:

Эмиграция оказалась злом еще худшим. Все та же нищета, неприятие со стороны эмигрантов (здесь Цветаеву с ее «маяковским» слогом принимали за советского поэта; на родине, как жену белого офицера, за «упадническо буржуазного»). Она так и прожила эти 17(!) лет на чужбине, «чужой среди своих». Почти все ее стихи этих лет надрывные, как крик, стихи словно бы заранее знающие, что останутся без ответа. И вместе с тем, может быть, именно эти стихи оставляют самое сильное впечатление.

Что осталось здесь от «прошлой жизни», от прошлой Цветаевой? В сущности, только одно, но самое в ней глубокое, от чего она так и не избавится, как бы не менялась ее жизнь и ее стих: романтическая гордость, романтический вызов, неизживаемая декларация «одна — противу всех», яростное, слепое неприятие или такое же яростное приятие... Короче говоря, бушевание страстей, постоянный душевный пожар, который с новой силой возгорается от невзгод. От тоски по родине. От надежды туда вернуться, в то единственное на земле место, где «Моим стихам, как драгоценным винам /Настанет свой черед»... Она была романтиком и идеалистом всю свою жизнь, может быть последним настоящим романтиком серебряного века. И хотя она написала в 1931 году:

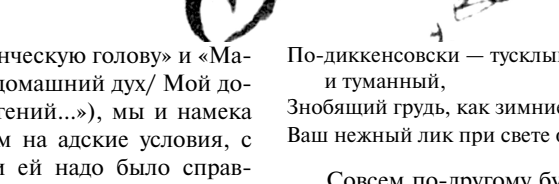
Той, где на монетах
Молодость моя,
Той России — нету,
Как и той меня,

все еще мечтала о ней. Поэтому и вернулась. Приехала вместе с Алей и сыном Георгием, родившимся в эмиграции. Она прожила здесь всего два года. Почти не писала. Началась вторая мировая, в 39-м же арестовали младшую сестру Цветаевой, Анастасию, потом дочь Алю, потом Эфрона (в 41-м был убит в лагере). В том же году добровольцем ушел на фронт ее 16-летний сын, кажется, мечтавший любым путем уйти от яростной любви, которую на него обрушивала мать. Ведь быть любимым Мариной было чуть ли не тяжелее, чем быть ненавидимым ею. О том, что Георгий погиб, ей не суждено было узнать. Перед последней ее поездкой в эвакуацию, в Елабугу, Пастернак пришел помочь ей укладываться. Принес веревку, чтобы перевязать чемодан, хвалил ее крепость и шутил, что она все выдержит, хоть вешайся на ней. Кто знает, может быть, Цветаева, ничто не считавшая случайностью, и это сочла приметой? Веревка действительно выдержала... Ее романтизм не мог больше жить, ему просто нечем было дышать. Оставалась только гордость: найти силы — не быть, если не петь.

Ее жизнь и смерть похожа на ее стихи. Она имеет законченную художественную форму. Ничего случайного. Все сказанное — примета. Ведь о своей смерти она напишет двадцатью годами раньше:

Нежной рукой отведя
нецелованный крест
В щедрое небо рванусь за
последним приветом.
Прорезь зари — и последней
улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте
останусь поэтом!

Татьяна Сорокина, студентка IV курса



Марина Цветаева, 1931.
Рисунок В. Билиса

ЛЕОНИД ПОЛОВИНКИН: Рождение музыканта

Сегодня музыкальную жизнь можно назвать активной и даже бурной. Исполняются композиторские новинки, устраиваются концерты, посвященные неизвестному творчеству известных композиторов и даже вечера, на которых можно услышать совсем неизвестные и забытые имена. Не знаю, к какой «категории» отнести творчество Леонида Половинкина. Возможно, кто-то не знаком с его сочинениями, другой воскликнет: «А, знаю, «Телескопы!»... Может быть, какой-нибудь иссушенный знаниями теоретик вспомнит, что Половинкин Леонид Алексеевич (1894–1949) — советский дирижер и композитор, который является автором девяти симфоний (1929–44), нескольких опер, балетов, оперетт, фортепианных концертов, около 30-ти партитур для драматического театра и кино. Что именно Половинкин подготовил к изданию 1-ю часть («Метрика») незаконченного труда Г.Л. Катуара «Музыкальная форма» (совместно с Д.Б.Кабалевским и Л.А.Мазелем, М.,1934). И лишь очень немногие знакомы с человеческими качествами этого композитора, его увлечениями и пристрастиями. А зря! Леонид Половинкин был личностью очень интересной...

Начнем издалека... Леонид Половинкин появился на свет в в 1894 году. Отец, Алексей Петрович, занимался прокладкой железных дорог. Мать, Анна Герасимовна (дочь известного московского купца Герасима Алексеевича Морозова), играла на рояле, пела, сочиняла стихи. После женитьбы, узнав о возведении Байкальского железнодорожного пути, Алексей Петрович, захватив жену, отправился прокладывать путь! Жили в вагоне, днем работали, ночью продвигались по новой дороге дальше. И около города Кургана Тобольской губернии, в одной из построек родился первенец Леонид. Через два года, недалеко от Челябинска, появился второй ребенок — сестра Лена.

В шесть лет Леня начинает заниматься игрой на фортепиано и скрипке, одновременно изучает иностранные языки (впоследствии он читал свободно на французском и немецком языках, писал романсы на оригинальные иностранные тексты). В 1904 году Половинкины переезжают Москву, где начинаются более регулярные занятия музыкой с матерью. А летом 1905 года, в селе Троицком с Леней занимается профессиональный музыкант Михаил Федорович Одегов. Семья живет уже на постоянном месте в Москве. Лишь Половинкин-старший вынужден из-за специфики своей работы часто покидать дом. В 1906 году Леня был зачислен в во второй класс гимназии Поливанова и отец пишет сыну: «Дорогой Леня, учись с Богом у Поливанова. Я скоро приеду и будем все вместе в Москве, а летом прокатимся по Волге на пароходе или съездим в Крым. Целую тебя. Твой папа».

Во втором классе Леонид занимается математикой, географией, увлекается изучением русского, французского, немецкого, латинского языков, рисованием. Играет в футбол, хоккей, теннис, бильярд. Спортивные занятия привели к блестящему результату, потом многие знакомые Л.Половинкина жалели, что он не стал профессиональным спортсменом и не продолжил карьеру футболиста. Во время отдыха на юге, Л.Половинкин запишет в своем дневнике: «Созерцать приходиться мало. Когда играешь на бильярде в качестве гроссмейстера (ибо вообще уровень игроков был очень неважный), когда побил всех находившийся поблизости теннисистов и каждый день упражняешься в плавании в море, то ясно, что времени не хватает...»

В 1908 году начинается серьезное увлечение театром. Продолжается знакомство с музыкальными шедеврами (запись в дневнике: «Ошеломлен Пятой симфонией Бетховена»). Окончив гимназию в 1913 году, Половинкин, повинуясь желанию отца, поступает в Московский университет на юридический факультет, посещает лекции историко-филологического отделения. Но игра на фортепиано все больше увлекает Леонида, и он продолжает заниматься музыкой. Из автобиографии: «Мое увлечение театром и музыкой относится к гимназическому периоду. Затем в последних классах гимназии музыкальные интересы начинают преобладать, и я начал готовиться к профессиональному занятию музыкой. Однако я не находил в своих родителях и преподавателе сторонников специализации в игре на фортепиано и чувствовал, что из меня хотят сделать только дилетанта. По желанию отца, я перешел по окончании гимназии на юридический факультет Московского университета, но, защищая свои позиции, готовился и в Консерваторию».

И желанное свершилось. В 1914 году Половинкин становиться студентом Московской консерватории (фортепианный класс Л.Э.Конюса., виртуозный класс К.А.Киппа). На шестом курсе Леонид поступает на композиторское отделение (класс гармонии — В.А.Золотарев, полифония — Р.М.Глиэр, музыкальная форма — Г.Л.Катуар, инструментовка — С.Н.Василенко). В консерваторские годы были опубликованы первые сочинения Л.Половинкина: фортепианная соната ор.1, мазурка ор.2 и очень популярные тогда «Происшествия» ор.5. Параллельно Л.Половинкин заканчивает обучение в Университете и 19 июня 1918 года получает диплом второй степени. Начинается насыщенная музыкально-творческая жизнь. Вот основные этапы начального периода, весьма поучительного для сегодняшнего молодого музыканта.

1923 — Вместе с В.Я.Шебалиным, В.Н.Крюковым, В.П.Ширинским организует композиторский кружок.

1924 — Оканчивает Московскую консерваторию, становится секретарем «Ассоциации современной музыки», переезжает на два года в Ленинград, где работает заведующим музыкальной частью бывшего Александринского театра.

1925 — Будучи аспирантом Московской консерватории, вместе с Д.Б.Кабалевским и С.В.Евсеевым подготавливает к изданию учебник Г.Л.Катуара «Музыкальная форма».

1926 — Оканчивает «Телескоп-1», сюиту «Танцы загадок», Четвертую фортепианную сонату, циклы «Происшествий», романсы, песни (на слова С.А.Есенина, А.А.Блока, К.Д.Бальмонта, П.В.Орешина, Б.М.Зубакина) В этом же году начинает работу в Московском детском театре, где проработает более десяти лет...

Продолжать можно долго, так как эта «спринтерская» активность длится всю жизнь. Но хочется надеяться, что вышеизложенного достаточно, чтобы при встрече с каким-либо сочинением Половинкина, вы вспомнили не только даты и факты, но композитора и человека.

София Караванская,
студентка IV курса

СПРАВЕДЛИВОГО СУДА НЕ БЫВАЕТ?

Говорят, на западе... Но почему сразу на западе? Доколе нам брать в подражание западные образцы? И вообще, у нас все по-другому устроено, в силу уникальных в своем роде культурных ценностей и самобытного менталитета, как сейчас принято выражаться. Наше государство с его системой правовых отношений на мелком и крупном уровне являет собой индивидуальность. Лежим, знаете, на пересечении Востока с Западом.

Индивидуальность индивидуальностью, ан как посмотреть. «Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка» тоже вроде как своеобразная личность. Только не определенная в собственных признаках. А если не определенная, то, значит, не имеющая собственного образа. А раз не имеющая, значит, *безобразная*.

Вот взять хотя бы нынешнего консерваторского студента. Теоретика, например, ибо ближе автору такая специальность. Что про него известно? Известно, что должен он учиться, выполнять учебный план, сдавать зачеты и экзамены, а иначе лишат его общественного уважения в виде стипендии на полгода, а то, глядишь, в неподходящий момент материализуется какой-нибудь документ на отчисление... Да и грех отчисление поминать, теоретик же наш консерваторский мозг, ему позорно и мысли-то такие иметь. Падет ведь в борьбе за научное будущее и красный диплом, и ни одно слово протеста не сорвется с плотно стиснутых уст. И таких пионеров-героев, ученых мучеников-добровольцев у нас — да весь теоретический факультет. Ничей взгляд больше не устремлен так истово в туманное, по правде говоря, будущее, ни в ком нет более священной уверенности в том, что «он должен»... Это пионерская клятва, это фанатическое кредо...

Почему Господь Бог является той последней (и единственной) инстанцией, к которому в отчаянии обращается обезумевший от несправедливости студент, с просьбой выслать громы, молнии и какую-нибудь, на выбор, египетскую казнь (скажем, дождь жаб) на голову обидчика? Консерватория полнится кабинетами и ведомствами, о назначении которых устаешь догадываться. Почему не быть кабинету, где обсуждались бы студенческие проблемы? Или считается, что таковых не имеется?

По ощущению, наш студент обретается в пограничной зоне. Между миром, где проблема правовых отношений считается принципиально важной и другим миром, где выражение «молчи, женщина» не изживется еще столетия. Игра в цивилизацию происходит в одни ворота, и эти ворота — наши. Как назвать такую игру — неведомо. Вот и получается, что не мышонок, и не лягушка. Безобразие одно.

Татьяна Сорокина,
студентка IV курса

РЕПРЕССИРОВАННАЯ МУЗЫКА

Именно так назвали свой совместный проект фонд развития культуры «Возвращение» и Group for New Music (Израиль). С 11 по 16 апреля в стенах Московской консерватории и Еврейского культурного центра на Никитской проходили концерты и конференция, посвященные музыке репрессированных композиторов.

Цель этой акции, по словам самих устроителей, «представить в России творчество людей, музыка которых была несправедливо и насильственно забыта... Этот проект — наш взгляд сквозь музыку на жизнь в условиях несвободы. Это возможность восполнить недостающие звенья в истории культуры XX века. Это — выражение гражданской позиции музыкантов разных стран...»

Действительно, в программах концертов были исполнены сочинения композиторов совсем неизвестных не только широкой публике, но и профессионалам. Х. Краса, З. Шуль, Э. Ледеч, А. Веприк, В. Ульман, М, Вайнберг, Э. Шульхофф — что мы знаем о них? Положа руку на сердце, практически ничего... Все это — открытия данного проекта.

Какие страшные, жуткие судьбы... В. Ульман, Г. Кляйн, П. Хаас, Х. Краса погибли в огне газовых камер концентрационных лагерей во время Второй Мировой Войны. Все они входили в состав так называемой «терезинской группы». Транзитный лагерь, располагавшийся в маленьком захолустном городке Терезин, построенном Францем Иосифом II в честь его матери, Марии Терезии, являл собой «образец» культурной жизни в условиях гетто. Именно сюда нацисты пригласили делегацию международного Красного Креста в 1944 г. Художественная самодеятельность, обширная музыкальная жизнь, включающая камерные, симфонические и хоровые концерты, оперные постановки, безусловно, прекрасно «сочеталась» с издевательским немецким лозунгом, висящим при входе: «Работа делает человека свободным».

Люди разных судеб, различных профессий — все работали... В статье «Гёте и гетто» (1944) В. Ульман писал, что дирижеры хоров просили его написать музыку для своих исполнителей. Была необходимость, например, в аранжировках фольклора, особенно для любительских хоров, сформированных сразу по прибытии первых транспортов (!) В лагере он создает свой третий квартет (завершен 23 января 1943 года) — превосходное одночастное сочинение по стилю и силе эмоционального воздействия сравнимое с ранними сочинениями Шёнберга («Просветленная ночь», первый квартет). Это произведение было впервые исполнено в России. Г. Кляйн за 9 дней до гибели заканчивает Трио для струнных...

О членах «терезинской группы» известно не очень много. Павел Хаас (1899–1944), родившийся в Брно, был одним из самых талантливых учеников Леоша Яначека (чешского композитора, главы национальной школы). Гидеон Кляйн (1919–1944) изучал музыковедение и философию в университете Карла в Праге. Будучи блестящим пианистом, он некоторое время выступал под псевдонимом Карл Вранек, после выхода в свет Нюрнбергского закона о национальностях, запрещавшего еврейским исполнителям выступать на эстраде. Виктор Ульман (1898–1944) посещал семинары Шёнберга, по рекомендации композитора работал ассистентом у Александра Цемлинского в Новой германской опере в Праге, некоторое время был главным дирижером в опере Оссига в северо-восточной Богемии, а затем дирижером в народной опере Цюриха.

Столь же трагичны были судьбы отечественных композиторов. Многих переломали в лагерях, на некоторых давили и за их пределами. Александр Мосолов (1900–1973) и Всеволод Задерацкий (1891–1953), члены АСМовского движения, провели значительную часть жизни в местах, «не столь отдаленных». Вторая волна репрессий, после войны, «захватила» Александра Веприка, четыре года проведшего в лагерях, Моисея Вайнберга (зятя Соломона Михоэлса), арестованного в 1952 году. Только благодаря ходатайствам многих музыкантов, включая Шостаковича, а также в связи со смертью Сталина и общим «потеплением» в апреле 1953 года последнего выпустили на свободу.

Безусловно, все эти жизненные обстоятельства не могли не отразиться на творчестве композиторов. Так, Мосолов после пребывания на Беломорканале, перестает быть ярым авангардистом, а становится «типичным» советским композитором, избегающим всяческого радикализма. Последнее сочинение Веприка, написанное за три года до смерти, носит название «Народ — герой». Это кантата, заканчивающаяся словами: «Слава партии в веках!» Их нельзя осуждать, так приходилось писать, чтобы выжить...

Фонд развития культуры «Возвращение», выступивший инициатором данной акции, известен уже довольно давно. Роман Минц и Дмитрий Булгаков — авторы идеи и руководители фонда, а также их единомышленники, в основном питомцы Гнесинской десятилетки — Б. Андрианов, Е. Апекишева, К. Башмет, И. Гофман, А.Кобрин — заявили о себе фестивалем «Возвращение», не раз проходившем в Москве и ставшим ежегодной традицией. «Три десятка молодых музыкантов <...> запросто «положат на лопатки» своим профессионализмом многих старших коллег»,— к этим словам, прозвучавшим в «Ведомостях» (20.05.2000) стоит прислушаться. Параллельно исполнению неизвестных произведений (что уже не так мало!), ведется просветительская деятельность. В данном случае двум концертам предшествовала конференция, которая дала возможность познакомится поближе с авторами прозвучавших сочинений. Такой подход к делу может вызывать лишь восхищение и уважение. Немаловажную роль играют не только профессиональные таланты участников, но и организаторские способности устроителей этой акции. В проекте также приняли участие Московский хоровой театр, возглавляемый Борисом Певзнером, и музыканты из «Group for New Music», в котором собрались солисты лучших израильских оркестров: скрипачи Саида Бар Лев и Кармела Лейман, альтист Роберт Мозес, виолончелист Феликс Немировский. Кроме того, в конференции принял участие художественный руководитель «Group for New Music», профессор музыковедения Тель-Авивского университета Д. Блох.

Нина Свиридовская,
Светлана Черноморская,
студентки IV курса

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871, Москва, Б. Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru/rus/newspaper

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 5.12.2002
Тираж: 100 экз.